
Глава 1

МЕЖДУ ПРОПАСТЬЮ И БЕЗДНОЙ

Белый цвет всегда ассоциировался для него с заснеженным полем или метелью. Но «метель», которую Иван наблюдал, замерев перед бесконечным белым пространством «межвселенского континуума», нельзя было отнести к земному явлению: в настоящий момент Иван Ломакин, драйвер-оператор крейсера «Дерзкий», вместе с восемью спутниками находился «на борту» удивительного сооружения под названием Вестник, представляющего собой «машину судного дня», созданную существами, цивилизация которых исчезла ещё полмиллиарда лет назад. И двигался Вестник, он же вселенолёт, не в космическом пространстве, а в среде далеко за пределами родной Вселенной, называемой учёными балком, в надежде догнать покинувших этот мир предков или хотя бы узнать, существуют ли у Вселенной границы.

История эта с «Вестником Апокалипсиса» началась ещё полгода назад, когда экспедиция Шустова, посланная к планете-капле Нимфа в созвездии Персея, наткнулась на законсервированный объект, оказавшийся центром управления боевыми базами цивилизации Нимфы, созданным для активации стратегических

сил, уцелевших после начала войны и уничтожения штаба обороны Нимфы. Война закончилась ликвидацией всех цивилизаций этого периода во Вселенной, но «машины судного дня» уцелели, и Вестник, управляемый компьютером, получившим имя Копун, после расконсервации допустил к себе на борт землян, оказавшихся в каком-то смысле потомками нимфиан.

Разумеется, эта «машина» категорически отличалась от таких же «машин» человечества, создаваемых с конца двадцатого века почти до нынешних дней. Первоначально это были самолёты, представлявшие собой воздушные командные центры обороны стран, их проектировавших: США, России и Китая. В случае начала атомной войны они должны были стартовать в автоматическом режиме и ждать особой команды на применение оружия возмездия либо самостоятельно принимать решение в том случае, если в течение определённого времени не будет получен сигнал от наземного центра обороны. Отсутствие такого сигнала означало гибель командного состава, что и должно было стать причиной включения «машин», активирующих уцелевшие стратегические ядерные ракеты. То есть противник, даже если он уничтожил верховного главнокомандующего, всё равно получал ответный удар, инициированный компьютерами «судного дня».

В конце двадцать первого столетия человечество овладело гравитацией и ВСП-технологиями¹, и «машины судного дня» изменили облик, превратившись, по сути, в аналоги НЛО, но по-прежнему оставаясь лишь летающими пунктами управления уцелевшими после ядерной атаки стратегическими силами.

---

¹ ВСП — технологии векторной свёртки пространства.

В конце двадцать второго века от этих пунктов окончательно отказались, поскольку риск всеобщей ядерной войны снизился до безопасных пределов. Военных конфликтов и местечковых войн, особенно в пространстве Солнечной системы, не стало меньше, однако рисковать нанести глобальный удар по противнику отказались даже тупоголовые вояки «гегемонов Земли» — правители Китая и урезанных (после откола одиннадцати штатов) США.

Вестник же создавался ещё пятьсот миллионов лет назад и был намного совершенней, так как мог обзреть весь космос, контролировать базы цивилизаций, зная их расположение, и был способен перемещаться в пространстве со скоростью, многократно превышающей скорость света. И функций он выполнял не в пример больше земных «машин», обладая высочайшим интеллектом и энергетикой формата БОГ, что означало — «без ограничений».

Если земные корабли пространства конца двадцать третьего — начала двадцать четвёртого века могли в достаточно широких пределах изменять свою форму в зависимости от космических условий и решаемых задач, то Вестник представлял собой абсолютный трансформер, способный использовать любую геометрическую конфигурацию, хотя в состоянии покоя имел форму эллипсоида с заострёнными концами длиной до пятидесяти километров и диаметром в пятнадцать — в самой широкой части.

Первый его исследователь, которым и стал Иван Ломакин, смог установить прямой мысленный контакт с Вестником, точнее, с компьютером Копуном, после чего начались их драматические приключения в рукаве Галактики, связанные с находкой других экзотических «судных машин», и в Солнечной системе, где объ-

явился претендент на абсолютную власть в лице Курта Шнайдера, рассчитывавшего завладеть уцелевшими базами древних цивилизаций. Борьба с ним длилась полгода, пока он не был изгнан за пределы зоны человеческого проживания, и Вестник вежливо дал понять людям, что он им ничем не обязан и хочет найти своих создателей.

С ним к границе Вселенной и отправилась группа добровольцев в составе девяти человек, для которых в зоне отдыха в центре Вестника — на тридцать третьем этаже — был создан лагерь для пассажиров.

Однако и по прошествии многих дней и даже месяцев Иван не стал бы утверждать, что знает все закоулки Вестника. Пространственный объём машины нимфиан был разбит на пятьдесят два уровня и на сотни трансформируемых сегментов, подсистем и отсеков, связанных единой транспортной системой мгновенного перемещения, и для детального его обследования требовалось немало времени.

Поскольку люди привыкли к стандартной упаковке центров управления кораблями, Копун соорудил для них своеобразный зал контроля с удобными креслами, не уступающими ложеаментам крейсеров по технологическому оснащению и защите, и добавил линии связи и обзора, после чего пассажиры стали чувствовать себя как в роскошных каютах туристического лайнера.

Первый прыжок «вселенолёта», коим стал Вестник, вынес его и компанию землян за пределы родной галактики Млечный Путь.

Копун настроил объединённую систему обзора таким образом, чтобы люди видели ту же картину, что и сам Вестник. Куда бы наблюдатель ни бросал взор, всюду видел бы одно и то же: бесконечную бездну космоса, пронизанную лучами близких и далёких га-

лактик, сливающихся в волокнисто-сетчатую структуру.

Ни второй, ни третий, ни последующие прыжки Вестника не добавили новых впечатлений зрителям. Мимо проплывали островки звёздных систем, галактики и скопления галактик, пока чернота космоса не превратилась вдруг в «снежную метель».

Копун обнаружил своеобразные «бакены» — кольца тёмной материи, оставленные первопроходцами «границы Вселенной», преодолел более ста триллионов световых лет (по собственным расчётам), и теперь экспедиция находилась неведомо где. «Бакены» исчезли, и куда лететь, было совершенно непонятно. Да и окружал Вестника, масса и размеры которого уменьшились вдвое, не привычный космос, а балк — нечто, описать которое не смог бы ни один человеческий язык.

Метель...

Бесконечная призрачная выюга...

По идее Хироси Ядогавы, одного из участников экспедиции, астрофизика и ксенолога Японского космического агентства, эта «выюга», которую нельзя было назвать пространством, представляла собой изначальный континуум, разделявший такие же Вселенные, как и породившая человечество, бесконечным инфляционным расширением. Однако объяснить её свойства не мог и он.

Что-то звякнуло за спиной.

Иван очнулся.

Его обняли тёплые руки, обвили шею, к спине прижались острые груди.

— Лиза... — расслабился оператор, погладив руки женщины.

Она, ещё сонная, уткнулась губами в щёку.

— Почему не спишь?

— Сон приснился...

— Плохой?

— Нет, скорее странный, будто мы попали в другую Вселенную, где всё то же самое, но нет тебя.

Лиза (Елизавета Клод-Сантуш, ксенопсихолог экспедиции, сорок лет, блондинка с зелёными глазами, с виду строгая и недоступная, на самом деле весёлая и отзывчивая) рассмеялась.

— Было бы интересно посмотреть на твою реакцию, если бы в той Вселенной оказалась такая же, как я. Кого бы ты выбрал?

— Тебя, конечно.

— А если бы та Лизавета ничем от меня не отличалась?

Он подумал.

— Женился бы на обеих!

Она с напускной сердитостью оттолкнула его.

— А клялся, что любишь только меня одну!

— Ты же сама только что сказала, что та вторая Лиза ничем от тебя не отличается. Разве я могу обижать твой клон?

Елизавета не удержалась, фыркнула, снова прильнула к нему.

— Нам хорошо, мы вместе, а представляешь, как-во Далю Даниловичу?

Иван кивнул.

Начальник экспедиционного отряда полковник Комитета космической контрразведки Вересов Даль Данилович был не намного старше Ломакина, но за его плечами стоял богатый опыт участия в борьбе с агентурой галактических пришельцев — ядер (жителей звёзд в ядре Млечного Пути), что, правда, не защищало его от личных переживаний. Он оставил на Земле свою возлюбленную, оператора космоцентра Екатери-

ну Вележеву, а вернётся ли экспедиция домой, не знал никто.

В команде Вересова была ещё одна пара: капитан Ярослав Мишин, врач-универсалист, и майор Марфа Коник-Милова, ксенобиолог. Они, так же как и Ломакин с Елизаветой, поселились в отдельной палатке рядом с палаткой эксперта-космолога Ядогавы. Лейтенанты-спецназовцы Роман Лапиков и Трофим Веляр облюбовали себе каждый по палатке «со всеми удобствами» (тур-комфорт, антигравитационная защита, «королевское» обслуживание, все виды отдыха, включая заказ снов; отправлялась экспедиция в неизведанное, так почему бы и не позволить себе пожить с комфортом?). Правда, от игр с полным эйдетическим погружением все участники экспедиции отказались и в любой момент могли связаться друг с другом по каналу ДР-связи¹.

Так как Вестник по размерам и мощности превосходил все земные космолёты и станции, у его пассажиров сложилось ложное представление о всемогуществе нимфианской техники. Однако и у «машины судного дня», по сути, являвшейся функционально ориентированным искусственным интеллектом, призванным запустить во Вселенной системы гарантированного уничтожения врагов его создателей, были свои пределы, о чём он предупредил население только на двадцать первый день пути.

В это утро Иван проснулся скорее именно с чувством, что они никогда назад не вернутся, а не от выдуманного сна. Однако признаваться в этом Елизавете не решился, не желая портить настроение любимой женщине.

---

¹ ДР — дополненная реальность.

Он выключил видеопласт, превращавший стены палатки в экраны, подхватил Елизавету на руки, закружил и понёс в ванный блок, где их ждали ласковые манипуляторы бытовой техники.

Позавтракать решили в кают-компании, под которую оборудовали отдельную палатку посреди парка, созданного Вестником практически в реальном ключе: деревья, трава, кустарники, цветы здесь росли всамделишные, да и бабочки и пчёлы летали настоящие, а небо с облаками и «далёкие» лесные чащобы представляли собой виртуальные объёмные картины, обладающие эффектом глубины.

В кают-компании, рассчитанной на десять человек (четыре столика, удобные кресла), уже сидели двое: Хироси Ядогава, стандартно по-японски сухонький, с глазами-щёлочками и вежливой полуулыбкой, и Ярослав Мишин, крупнотелый, широкоплечий, с простым «деревенским» лицом, хранящим застенчивое выражение ученика, выслушивающего наставления учителя.

Впрочем, Ядогава и в самом деле являлся для всех непререкаемым авторитетом, так как обладал энциклопедическими познаниями не только в области космологии, но и астрофизики, ксенологии, психологии и вообще культуры.

— Подсядем? — обернулась Елизавета.

— Если они не против, — ответил Иван. — Доброе утро, Хироси-сан, разрешите присоединиться?

— Никаких возражений, — кивнул японец. — Доброе утро, Ваня-кун, доброе утро, Лиза-тян.

Иван, глянув на стол и оценив меню эксперта: рыба в соусе, роллы, салат, чай, — заказал кофе со сливками, творог со сметаной и мёдом, Елизавета выбрала горький бразильяно, блинчики с икрой и сыром, и об-

служивающая лагерь команда формов¹, неотличимых от людей, быстро заставила стол блюдами.

Продукты, конечно, были синтезированы, за исключением овощей из оранжереи, но практически ни качеством, ни вкусом не уступали природным.

— Таким образом, — продолжил Ядогава разговор с Мишиным, — не исключено, что мы вернёмся ни с чем.

— О чём речь? — Иван принялся есть.

— О Мультиверсе, — сказал помощник Вересова смущённо. — До меня не доходит, как это можно двигаться и при этом никуда не лететь. Ведь мы летим вперёд? Ведь так?

Ядогава снисходительно улыбнулся.

Возраст учёного по его лицу определить было трудно. Иногда он казался собеседникам столетним стариком, иногда совсем молодым человеком, но Иван знал, что космологу исполнилось недавно семьдесят семь лет, хотя при всей своей несуетливости он был очень подвижен и активен, занимаясь по два часа в день в спортзале (в лагере возвели и такую конструкцию) боевыми искусствами.

— На самом деле дать точную характеристику процессу невозможно. Наша Вселенная представляет собой один из бесчисленных расширяющихся трёхмерных пузырей с преобразованным вакуумом в бесконечном континууме Мультиверса. Эти пузыри разъединяет — по общепринятой теории — инфляционное поле, растягивающее пространство балка с безумной скоростью. Хотя, вероятнее всего, это не пространство в нашем привычном понимании. Мои коллеги утверж-

---

¹ Ф о р м — аббревиатура слов «функционально ориентированный механизм» с искусственным интеллектом.

дают, что это континуум Гильберта с бесконечным числом измерений.

— А вы как считаете?

— Я думаю, что этот континуум — размытый потенциальный барьер, порождающий у таких, как мы, ощущение растяжения и бесконечного размера. Соседние пузыри Вселенных могут располагаться, образно говоря, в миллиметре от нашего, но квантовая пена делает это расстояние огромным. И оно непреодолимо, так как инфляция порождает континуум эквивалентно расстоянию быстрее, чем мы в состоянии его преодолеть.

— Зачем же мы в таком случае пытаемся вылететь за границы нашей Вселенной? — озадаченно спросил Мишин.

— Вопрос не ко мне. Есть шанс, что если нашему вселеннолёту хватит энергии, мы пробьём этот потенциальный барьер.

— Куда же мы попадём в этом случае?

— В одну из соседних Вселенных. При бесконечном числе рождающихся пространственных пузырей велика вероятность того, что мы наткнёмся на Вселенную с похожей конфигурацией набора констант.

— Но вы только что утверждали, что Мультиверс представляет собой по большей части необитаемую пустыню с бесконечным числом мёртвых Вселенных.

— Я так не утверждал, хотя так оно и есть. Но ведь и заселённых Вселенных должно быть много, если мы имеем дело с такими категориями, как бесконечность.

— Я не поняла насчёт потенциального барьера, — заинтересовалась Елизавета. — Каким образом он становится эквивалентен расстоянию?

— Благодаря затрачиваемой «на движение» энергии. Расстояния возникают лишь при развёртке свёрнутых измерений в трёхмерном континууме. А между рождающимися пузырями Вселенных все эти измерения свалены в одну кучу.

Иван невольно рассмеялся.

— Неожиданное сравнение.

— Давайте спросим у Копуна, — предложила Елизавета, — что он думает по этому поводу. Ваня, можешь связаться с ним?

Иван кивнул.

В принципе каждый член экспедиции мог в любой момент по мыслесвязи связаться с компьютером Вестника и задать ему любой вопрос. Но Ломакин считался главным посредником между людьми и «машиной судного дня» и по убеждениям коллег имел более крутой доступ «к телу» Вестника.

«Я вас услышал, — заговорил в голове бархатный баритон Копуна, незримо присутствующего (о чём предпочитали не говорить и не думать) в любой компании и при любом намерении пассажиров. — Мне легче показать вам, что я вижу, слышу и чувствую, двигаясь в этой «метели».

«Давай, — согласился Иван. — Мне подойти в ЦУП?»

«Не надо, просто расслабься и слушай».

«Расслабился».

В следующее мгновение обстановка столовой во-круг изменилась, распахнулись стены, и он оказался в невообразимой ж и в о й пустоте, представлявшей собой сочетание квантовых осцилляций, сотрясающих пространство, с игрой призрачных световых объёмов танцующей плотности и ячеек с плывущими в них фигурами неких существ и геометрических фигур.